

РУССКАЯ ДЕРЖАВА.

На хуторѣ Царя почти никто не видалъ, но Его все знали и Онъ вошелъ въ жизнь Сергуньки Самохоткина съ его дѣтскими лѣтъ.

Сергунька дальше хутора и его степей не бывалъ. Окружная станица далеко; онъ зналъ свои хуторъ и свою станицу по имени, зналъ какъ её «дразнить» *). Не по хорошему дразнили станицу. «Порочная» она была:—архіерея, молъ, встрѣчали нѣкогда станичники; надо звонъ дѣлать, а звонить некому, такъ будто: — кобель на колокольнѣ звонилъ. Спрашивалъ Сергунька отца: — правда ли такъ было?

— У, пустобрехи!, — скажетъ отецъ и задумается. Видитъ Сергунька, что и ему неприятно, что станица такъ осрамилась.

Въ хуторской школѣ узналъ Сергунька, что есть еще Войско Донское, — Донская область, — урядникъ инструкторъ обучалъ; и что *есть Россія*. Про Россію рассказывалъ батюшка. Хорошо рассказывалъ. Но понять было невозможно. Очень ужъ большая Россія. Если на конѣ ѣхать, — въ годъ не пройдешь съ одного конца на другой. И города есть большіе, и рѣки, и горы громадныя. Только, не видѣвъ ничего кромѣ стени, да синяго неба, да овражистой балки, трудно было это все Сергунькѣ вообразить. И слагалось въ мысли: — Россія огромная, и въ ней — Царь.

Царя поминали часто. И въ пѣснѣ и въ присказкѣ. Онъ вошелъ въ жизнь и какъ будто «слился» съ Богомъ. И Богъ — Царь Небесный; и Царь, какъ Богъ въ своемъ Россійскомъ царствѣ — земной Царь.

Прислушается Сергунька въ церкви, что поютъ и читаютъ — и тамъ часто Царя поминаютъ. Священникъ особо и благогоушно молится: — «О Благочестивѣйшемъ, Самодержавнѣйшемъ, Великомъ Государѣ Нашемъ, Императорѣ Николаѣ Александровичѣ».

*) На Дону каждая станица имѣетъ свое прозвище, связанное съ какой-нибудь старой легендой. Если прозвище и легенды не обидныя — станица безпорочная.

Все слова непонятныя, трудныя, а торжественныя, благостныя, какъ-то сливаюціяся съ молитвою, съ нѣніемъ, съ запахомъ ладана, съ золотыми ризами священника и солнечными лучами, что сквозными потоками входили черезъ овальныя стекла хуторской церкви.

Поднимали духъ эти слова. Отъ нихъ уносилась ввысь душа и тепло становилось на сердцѣ.

Царскіе портреты висѣли рядомъ съ «Богами». Отецъ ѣздилъ въ Криворожье на ярмарку и привезъ ихъ оттуда. Въ золотыхъ узкихъ рамахъ, подъ лакомъ. Помнилъ Сергунька какъ привезли ихъ; сладко пахло отъ нихъ клейкимъ лакомъ. Царей было двое: — Императоръ Александръ III Александровичъ въ темномъ мундирѣ и при голубой лентѣ, и Наслѣдникъ Николай Александровичъ въ голубомъ казачьемъ мундирѣ. Теперь лаковый запахъ вывѣтрился, и рамки, засиженныя мухами, стали бурыми. Про Императора Александра III Александровича говорили, что онъ «въ Бозѣ почилъ». И то, что онъ не умеръ, а «въ Бозѣ почилъ» — казалось Сергунькѣ таинственнымъ и значительнымъ.

Еще видалъ Сергунька Царское изображеніе на золотыхъ десятирублевкахъ и пятирублевкахъ, на рубляхъ и полтинникахъ, на почтовыхъ маркахъ. Царь и двуглавый орелъ, Царь и Россія — такъ и вошли съ этими изображеніями въ понятіе Сергуньки, какъ что-то огромное, прекрасное и святое. Какъ въ церкви.

Во всемъ хуторѣ видалъ Царя, Александра Николаевича, только старый дѣдъ Бодрухинъ. Онъ служилъ въ лейбъ-гвардейскомъ полку. Ходилъ въ Туретчину освобождать болгаръ, а раньше въ Санктъ-Петербургѣ видалъ часто Царя. Онъ рассказывалъ про воскресные разводы передъ Государемъ. Какъ являлись Государю офицеры на ординарца, какъ скакали и джигитовали мимо Царя казаки и кавказцы.

— «Пистолеть зарядять порохомъ и пескомъ. И листъ на-супротивъ Государя положить бумажный, большой. И скачуть мимо, а подлѣ листа лагнутся и въ листъ стрѣляютъ. Листъ вдребезги. Одни ключья. Кони тогда были!.. Такихъ нѣтъ теперь... Ну... умные! Она животная-то понимаетъ, что передъ Царемъ. Она — старается... Другая, на релетиціяхъ какая идравная: И на дыбки становится и сигаеть — одна»

не ошибеть, а Царь прїѣдетъ — такова смирная — не узнаешь . . .»

Отъ этихъ разсказовъ дышало чѣмъ-то великимъ и важнымъ. Какъ въ Библии, когда читають про жизнь при Богѣ, какъ Господь говорилъ съ людьми.

Задумается Сергунька. Мать подойдетъ къ нему, погладить по вихрастой головкѣ и скажетъ: — «О чемъ ты?»

— «О Царѣ, мамка, думаю. Какой онъ есть?»

— «До Бога высоко, до Царя далеко», — скажетъ, вздыхая мать. — «Всю-то жизнь прожили, никогда не сподобились Царя повидать . . .»

Осенью отецъ ѣдетъ на ссылку, везетъ продавать хлѣбъ. Вернется чуть хмельной. Вечеръ теплый, медвяно и сладко пахнетъ со стени зерномъ. Тихо спускается солнце. Отецъ сядетъ на рундукъ у хаты, Сергунька рядомъ съ нимъ. Отецъ обниметъ его рукою и мурлычитъ вполголоса:

— «Русскій Царь живетъ богато:
Войско водить въ сапогахъ,
Ваша-жъ рага — есть оборванцы,
Ходятъ даже безъ чувякъ! . . .»

Отъ отца пахнетъ дегтемъ, махоркой и, чуть, водкой. Этотъ запахъ сливается съ крѣпкимъ запахомъ стени. Сергунька спрашиваетъ отца.

— «Онъ богатый. Русскій Царь?»

— «Ужасно какой, Сергунька, богатый . . .»

Такъ творилась незамѣтно, въ простомъ дѣтскомъ сердцѣ мистерія о Царѣ. Радостью и свѣтомъ озаряла тоску повседневной жизни на далекомъ хуторѣ. Грязные, вонючіе скотскіе базы, овечьи кошары, нудно пахнуціе по утрамъ, вѣчная безъ роздыха возня съ животными, птицами, съ грязной землей, борьба съ непогодой и зимнею стужею — все покрывалось мыслью: — «Царь-то это, поди, знаетъ . . . Думаетъ о насъ . . . Цѣнить . . .»

Какъ Богъ на небѣ, такъ Царь на землѣ. И безъ нихъ было бы нельзя жить. Съ тоски, со скуки удавились бы люди. —

Сергуньку на прїемѣ записали въ гвардію. Отецъ съ гордостью оглядѣлъ высокаго несуразнаго парня съ розовымъ безусымъ лицомъ и голубыми въ черныхъ рѣсницахъ глазами и сказалъ:

— «Ну, братъ!.. Царя сподобишься повидать. Счастливымъ, знать, ты уродился».

Стали готовить «справу». Ъздили къ станичному портному, шили обмундировку гвардейскую съ желтыми петлицами, на ярмаркѣ искали «справнаго» коня.

За заботами и хлопотами, за поѣздкой въ Арчеду въ гвардейскій лагерь, гдѣ обучались малолѣтки, какъ-то забылась тоска предстоящей разлуки. Столько было впечатлѣній!.. —

Семь дней ѣхали по чугункѣ въ красныхъ вагонахъ съ конями вмѣстѣ. Нескладно пѣли пѣсни, смотрѣли на каменные большія зданія станцій, на просторъ сжатыхъ полей, на далекія села, на широкія рѣки и стали смутно понимать, что такое Россія...

Петербургъ... Вотъ Онъ!.. И Царь тутъ живетъ. Казалось — выльзешь и встрѣтишь Его? Нѣтъ, не встрѣтишь Его. Развѣ можно Его такъ просто увидеть...

Хмуря сырыя красныя казармы. Вставать до свѣта. При свѣтѣ лампъ одѣваться и обуваться и идти на конюшню убирать лошадей. Ученья, кормъ лошадей, обѣдъ, и опять ученья; и вечеромъ молитва передъ образомъ съ горящей лампадой, мертвый сонъ усталаго тѣла и пробужденіе отъ грозныхъ криковъ дежурнаго: — «вставать! вставать!»

Дни сливались съ днями, одинаково занятыя. — только посиѣвай все исполнить. Взводный и фланговый покрикивали; приказный и старые казаки наставляли; приходили господа офицеры и командовали, учили и поправляли.

Не замѣтилъ и самъ Сергунька Самохоткинъ, какъ изъ несуразнаго парня, незнающаго куда дѣвать руки и какъ поставить ноги, сталъ онъ бравымъ, расторопнымъ казакомъ. Уже перевели его за бравый видъ и хорошую посадку на конѣ изъ задней шеренги въ переднюю и дали ему нику.

— «Теперь на смотру Царя, какъ меня, увидишь!» — сказалъ ему хорунжій.

На словесныхъ занятіяхъ хорунжій спрашивалъ:

— «А кто у тебя Государь Императоръ?»

И, когда Рыбалкинъ, тушой казакъ отвѣтилъ: — Миколай Александровичъ... — хорунжій поставилъ его на два часа въ боевую.

И за дѣло. Падо было отвѣчать:

— Его Императорское Величество, Государь Императоръ Николай Александровичъ.

Въ этихъ длинныхъ, непонятныхъ словахъ, тоже, было что-то отъ Библии, отъ Бога, отъ рассказовъ дѣда, отъ словъ матери со вздохомъ: — «до Бога высоко, до Царя далеко...»

Какъ-то вдругъ, послѣ Пасхи, стали часто ходить всѣмъ полкомъ на ученья, ѣздить подь музыку. Сказали: — «на 28 апрѣля назначенъ Высочайшій смотръ войскамъ Гвардіи и Петербургскаго военнаго округа на Марсовомъ полѣ».

— «Ну вотъ, Самохоткинъ, и увидишь ты Царя!» — сказала Сергунькѣ хоружкій.

И сказала это такъ, что Сергуньку тепломъ обдало. Точно милость ему объявить...

Въ этотъ день встали рано. Раньше обыкновеннаго. Уже весна на дворѣ. Солнышко встаетъ рано, а встали до солнца. При огнѣ. Сразу пошли на конюшню. И наканунѣ съ вечера особенно тщательно убирали коней, хвосты имъ заплетаи. Съ утра каждую пылинку съ нихъ снимали. Пришли взводные кузнецы и рашпилемъ опиливали спереди подковы, чтобы блестяли, — «бронзу» наводили.

Шли на Царскій смотръ!

Послѣ уборки, въ блѣдномъ утреннемъ свѣтѣ столовой ѣли особый завтракъ. Не хотѣлось ѣсть такъ рано, но старые казаки говорили: — «поѣшь, а то не скоро обѣдать будешь. Уморишься. Сомлѣнешь...» — Послѣ завтрака каптепармусъ и взгодные раздавали парадные мундиры; всѣ подбѣляли ремни портупей, а потомъ мылись, раздѣвшись до пояса, ледяною водою и мыломъ растирали лица, подбивали чубы и мѣдными гребешками расчесывали волосы. Одѣваясь, помогали другъ другу, осматривали другъ друга. И было — торжественно, празднично и необычно, какъ передъ Свѣтлой Пасхальной Заутреней.

Что за чудныя были новыя панахи, съ голубымъ верхомъ, волнистаго чернаго курнея, съ серебряными звѣздами и отличіями. Удивительнаго небеснаго цвѣта мундиры съ желтыми жгутами и оловянными пуговицами съ двуглавымъ орломъ: — *Россия!*.. Шаровары темносиняго сукна. Сапоги въ черной смазкѣ съ круглыми подборами и тупыми каблуками. Съ подошвъ лакъ не сошелъ. Новые, ненадѣванные!

На Царскій смотръ!

Когда построились, сѣли на коней и подъ торжественно грозные звуки «похода» принимали полковой штандартъ, не въ кожаномъ, какъ всегда чехлѣ, а распущенный, въ серебряныхъ и широкихъ георгиевскихъ лентахъ, съ тяжелыми кистями — точно колокола зазвонили въ душѣ у Сергуньки малиновымъ звономъ. Штандартъ—полковая святыня... За нимъ и Богъ, и Царь, и Россія!..

Вышли на Невскій. Все было не такое, какое было вчера. Солнце озаряло пеструю линію домовъ. Тучки набѣгали на него. Свѣжій вѣтеръ съ Невы полыхалъ и несъ запахъ морской волны.

На углу Садовой пѣхотная колонна преградила дорогу полку. Въ стройномъ пѣніи мѣдныхъ трубъ, въ трескѣ барабановъ ровно и плавно проходили пѣхотные ряды. На солдатахъ все было новое. Въ долгомъ движеніи отдѣлений съ круто поднятыми ружьями и выравненными штыками было что-то грозное и несокрушимое... Русская армія!

Понятны становились Сергунькѣ церковныя молитвы о побѣдоносномъ, христолюбивомъ, Россійскомъ Воинствѣ. Оно шло передъ нимъ, какъ Христова рать — Царское войско! По сторонамъ столпился народъ. Раздавались восторженные вскрики:

- - Ахъ! молодцы измайловцы! Ну! молодцы!

- - Какая прелесть казаки! — сказала одна дѣвушка.

Купецъ въ дрожкахъ на рысакѣ снялъ шапку передъ Знаменемъ. Стали снимать и другіе. Дворникъ снялъ фуражку и долго крестился на знамя. Оно шло, несомое великаномъ знаменщикомъ, и подлѣ шель офицеръ въ золотыхъ эполетахъ.

— Что за красавецъ народъ въ нашей Россіи. — сказала кто-то въ толпѣ подлѣ Сергуньки.

Почудилось отъ этихъ словъ дыханіе чего-то монцаго, прекраснаго и удивительнаго: --- имя чему *Россія*.

Долго стояли на Дворцовой площади позади кирасирской дивизіи. Золотыя кирасы, золотыя каски съ золотыми и серебряными орлами (тоже Россія!), алыя и черныя пикеты съ бѣло-красными и сине-желтыми флюгерами: — все это было такъ необычно, прекрасно и величественно... Оно подготовляло — увидѣть Царя.

Издалека, отъ самой Невы, донесся какой-то странно волнующій гулъ. Онъ не походилъ ни на какіе звуки, слышанные

раньше Сергунькой. Отъ него подобрались, насторожились и настремили уши кони, точно тоже услышали что-то необычное.

Онъ шелъ, все нарастая изъ-за высокихъ домовъ, шелъ оттуда, гдѣ сейчасъ долженъ былъ быть Царь. Сергунька хотѣлъ спросить у сосѣда, что это такое? Не смѣлъ: — нельзя говорить во фронтѣ. Онъ скоро понялъ: это войска кричали: ура! Кричали многія тысячи людей. Царь ѣхалъ мимо нихъ. Этотъ крикъ былъ грозный и вмѣстѣ съ тѣмъ радостный, легкій, воздушный, точно прозрачный. Онъ приближался. И вотъ — вспыхнулъ уже тутъ, рядомъ, у Адмиралтейскаго бульвара, гдѣ въ зеленую дымку молодыхъ почекъ кутались тополя и липы.

На площади раздались команды. Дрогнули пики съ флюгерами, вспыхнули серебряными звѣздочками конья на нихъ, и торжественно заиграли «походъ» кавалергардскіе трубачи. Съвозъ кирасы и пики, сквозь конскія головы Самохоткинъ увидѣлъ, какъ къ полкамъ приблизилось много пестро-одѣтыхъ всадниковъ. Должно быть, тамъ былъ и Государь. Внезапно оборвали трубы: и Самохоткину въ мертвой тишинѣ, нарушаемой прозрачнымъ топотомъ копытъ, послышался чей-то голосъ. Должно быть, голосъ Царя. И сейчасъ же дружно отвѣтили кавалергарды. Трубачи заиграли знакомый Сергунькѣ гимнъ и люди впереди него закричали ура! . .

Послѣднія раздались команды въ ихъ полку. Командиръ на рыжемъ жеребцѣ проскакалъ на флангъ и всталъ между трубачами и правымъ флангомъ 1-й сотни. Кричали ура лейбъ-казаки. Трубачи подняли трубы и заиграли походъ.

Сергунька увидалъ полнаго бритаго человѣка, ѣхавшаго на большой совершенно бѣлой лошади. На немъ была алая куртка, расшитая золотомъ и бѣлыя лосины.

«Уже не Царь ли это?» — подумалъ Сергунька. И сейчасъ сообразилъ — «нѣтъ, Царь не такой».

И тутъ же увидѣлъ Царя.

Онъ ѣхалъ на стально-сѣромъ конѣ, чуть позади коляски, запряженной четырьмя бѣлыми лошадьми по двѣ въ рядъ. Въ коляскѣ сидѣли Императрицы.

Сергунька ихъ почти не видалъ, онъ смотрѣлъ радостно-восторженными глазами въ лицо тому, кто, казалось, прямо смотрѣлъ на него. Онъ узнавалъ Его по портретамъ въ ихъ домашней хатѣ; но болѣе того — онъ *чувствовалъ* Его. Съ приближеніемъ этого всадника Сергунька точно ощущалъ бла-

гостныя молитвы «о благочестивѣишемъ, самодержавнѣишемъ», онъ точно понималъ теперь значеніе словъ — «до Царя далеко» — хотя. вотъ онъ! какъ онъ былъ близокъ!

Онъ услышалъ и не понялъ словъ Государя, такъ былъ взволнованъ. Крикнулъ отвѣтъ и закричалъ ура, какъ учили. и не чувствовалъ, какъ текли по его лицу слезы...

И вотъ уже далеко Царь, смолкли по знаку пашки крики. повернули направо по шести и пошли рысью вдоль канала, звонко стуча подковами по камнямъ мостовой.

На крытомъ и широкомъ мосту, въ сквозной тѣни деревьевъ долго стояли. ожидая своей очереди.

Впереди было видно широкое поле, усыпанное желтымъ нескомъ и уставленное войсками. Кое-гдѣ блистали, голубѣя, длинныя узкія лужи налетѣвшаго ночью дождя. Оттуда доносились бодрые звуки музыки. Ихъ—то закрывала человѣческая завѣса идущихъ полковъ, и тогда они слышались приглушенные. притупленные, неясные. то вдругъ, когда проходилъ полкъ, они врывались на мостъ и раздавались по всей Садовой. яркіе. звучные и зовущіе.

Стало видно. какъ собрались на серединѣ площади трубачи всей дивизіи на сѣрыхъ лошадяхъ. Засверкали золотыя кирасы и бѣлые орлы кавалергардовъ, и стало видно, какъ проходили они мимо Государя Императора шагомъ въ грозно-радостномъ рокотѣ литавровъ и пѣніи трубъ. Черными опахалами висѣли хвосты гнѣдыхъ лошадей изъ подъ широкихъ красныхъ вальтраповъ.

Тамъ пѣла музыка и точно плела звуками сложный золотой узоръ, и въ этомъ узорѣ являла свой прекрасный ликъ великая Россія...

Оттуда. гдѣ подъ старыми липами Лѣтняго сада нестрѣли полныя людей трибуны. точно серебряный голосъ пропѣлъ сигналъ: — «рысь».

— Рысью размашистой. но не распущенной для сбереженья коней!

И стало видно, какъ освобождая мѣсто Сергунькину полку, мягко подрагивая въ тактъ музыки. пошли по полю. сотня за сотней алые лейбъ-казаки.

Сергунькина сотня выстроила фронтъ. Свалила пики «на бедро». Сергунька, двигаясь рысью въ общемъ фронтѣ, подравниваясь однимъ глазомъ. видѣлъ, какъ сверкнули пашки

въ рукахъ у командира полка, полковника, сотеннаго и офицеровъ. и сталъ вдругъ близокъ къ нему Государь. Онъ Его сразу увидалъ впереди большой и блестящей свиты. онъ Его сейчасъ же узналъ и слышалъ теперь ясно Его голосъ: —

— Спасибо, молодцы!

Опять залило горячимъ огнемъ счастья всю грудь Сергуньки, онъ радостно крикнулъ отвѣтъ Государю. И уже нѣтъ ничего. Впереди широкое поле; хвосты вороныхъ лошадей и красные мундиры лейбъ-казаковъ, скачущихъ, загибая мимо памятника; розовое зданіе съ бѣлыми колоннами и широкой просвѣтъ съ голубою Невой... —

Все, что было потомъ, уже было не то. Строились для атаки всею массою кавалеріи поперекъ поля, наматывая на кулакъ поводья, чтобы въ-время остановить лошадей... Потомъ шли домой...

Когда слѣзали во дворъ казармъ съ лошадей и положили пики на плечо, вели ихъ въ конюшни, Сергунька ощущалъ въ своемъ сердцѣ, что случилось въ немъ что-то новое. Онъ понималъ нѣчто необъятно-великое, точно вся та карта Россійской Имперіи. на которую онъ туно смотрѣлъ въ классѣ, вошла въ него и стала такою необъятной, какъ о ней говорилъ хорунжій: —

— «Солнце не заходитъ».

Послѣ уборки лошадей и поздняго обѣда, сдавали въ цейхгаузъ парадные мундиры, папахи, аммуницію и вальтрапы, потомъ поили и задавали кормъ лошадямъ, подметали дворы, сносили навозъ въ лари. Все было обыкновенное, будничное. Но уже въ этомъ будничномъ точно засвѣтился яркій огонь *величія Россіи и ея Царя*, засвѣтился, чтобы никогда не угаснуть. —

Вечеромъ. въ сотенной канцеляріи. Сергунька на листѣ почтовой бумаги. купленной въ полковой лавочкѣ. пытался изобразить все то, что онъ пережилъ въ этотъ день, когда первый разъ увидалъ Русскаго Царя.

Онъ писалъ домой. На хуторъ, гдѣ никогда не видали Государя, гдѣ женщины и многіе казаки не видали чугушки. Онъ писалъ туда, гдѣ точно нахохлившаяся насѣдка, стояла бѣлая хата подъ крутою и лохматою соломенною крышей, гдѣ въ этотъ апрѣльскій день—бездонно-голубое небо, сладко воркуютъ голуби, вся степь въ зеленыхъ прямоугольникахъ моло-

дыхъ хлѣбовъ и въ пестромъ коврѣ цвѣтущихъ травъ. гдѣ въ этотъ вечерній часъ на дворѣ чуть ладанно пахнетъ соломеннымъ дымомъ, и дымомъ углей. а сбившіяся на ночь овцы несутъ тепло пахучей овчины. Онъ точно видѣлъ весь хуторъ съ тополями у церкви, съ высокими журавлями колодцевъ. Ему казалось, что Царь видитъ хуторъ. и ему хотѣлось, чтобы и хуторъ увидалъ Царя.

Но какъ описать — неопишемое?! Оно было прекрасно. когда священникъ возглашалъ: «Благочестивѣйшаго. Самодержавнѣйшаго. великаго Государя Нашего. Императора Николая Александровича... да помянетъ Господь во царствіи своемъ!..»

Оно было понятно. когда ласково говорила мачка. глядя его по головѣ: — «до Бога высоко. до Царя далеко».

Оно казалось простымъ. когда жидкимъ теноркомъ. неся запахъ махорки. дегтя. овчины и водки. напѣвалъ отецъ:

— «Русскій Царь живетъ богато:
Войско водить въ саногачь...»

Но. какъ передать это все своими словами?

Сергунька началъ съ поклоновъ. Прочиталъ. провѣрилъ... Не пропустилъ ли кого?.. Кажется. всѣ. Помянулъ и батюшку. отца Клавдія... Всѣ...

Долго думалъ. Потомъ написалъ:

«... Безъ Бога нѣтъ Царя. Безъ Царя нѣтъ арміи. а безъ арміи нѣтъ Россіи».

Въ этихъ простыхъ. величественно - мудрыхъ словахъ вылилось у Сергуньки все. И то. что онъ впиталъ въ себя съ ранняго дѣтства на хуторѣ. въ семьѣ. въ церкви и въ школѣ. и что было ему непонятно и далеко, и то. что онъ сейчасъ на Царскомъ весеннемъ смотре. въ прозрачныхъ крикахъ ура. въ волнующемъ видѣ красоты вдругъ понялъ и созналъ навсегда.

П. Красновъ.

Сантены. 1928.
